

DOI 10.35775/PSI.2026.126.2.027

УДК 32.327

Л.Г. АРЕШИДЗЕ

доктор исторических наук, профессор
кафедры истории и культуры Японии ИСАА
при МГУ им. М.В. Ломоносова,
Россия, г. Москва

МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ: БЫЛИ ЛИ ИЗНАСИЛОВАНИЯ ЯПОНСКИХ ЖЕНЩИН АМЕРИКАНСКИМИ СОЛДАТАМИ В ПЕРИОД ОККУПАЦИИ ЯПОНИИ СОЕДИНЕННЫМИ ШТАТАМИ (1945-1952 ГГ.). ЧАСТЬ II¹

Есть некоторые темы в международных отношениях, о которых стараются не говорить слишком громко, и это, в свою очередь, создает много кривотолков и мифов. К таким неудобным темам можно отнести, в частности, «Проблему изнасилования женщин в оккупированной американскими солдатами Японии» и «Судьбы детей, рожденных в результате отношений между японскими женщинами и американскими солдатами».

Вопреки распространенному в Америке мнению о хорошем поведении американских военнослужащих во время оккупации Японии, американские солдаты фактически использовали десятки тысяч японских женщин в качестве проституток, но эта тема всячески приглушается. Получается так, что с одной стороны, США отрицают факты масштабного изнасилования, но с другой стороны, тут же ссылаются на тезис о том, что поведение американских солдат во время оккупации ничем не отличалось от поведения войск других оккупационных армий во Второй мировой войне. Частота изнасилований сопоставляется с поведением Красной Армии в Европе, японской армии в Азии, армии США в Германии и оккупационных сил Британского Содружества в Западной Японии. Ситуация выглядит несколько странно, если американские солдаты не совершали преступлений перед японскими женщинами, то зачем нужно ссылаться на поведение других армий. А если эти преступления все же совершались, то за них нужно нести ответственность, а не оправдываться тем, что и другие поступали аналогичным образом.

Ключевые слова: оккупация Японии (1945-1952), американские солдаты, изнасилования, Вторая мировая война, Нанкинская резня, Токийский процесс, историческая память, отрицание преступлений, цензура СМИ, права женщин, военные преступления.

¹ Часть I исследования читайте в журнале Вопросы политологии. 2026. Т. 16. № 1 (125). С. 330-341.

Анализируя причины преступлений, совершаемых американскими оккупационными войсками, можно предположить, что в некотором смысле виновниками подобных преступлений были как действия собственного правительства Японии, так и алчность оккупационной армии. Дело в том, что до капитуляции американские политики исходили из того, что, по аналогии с Германией, Японией будут управлять посредством прямого военного подчинения. Таким образом, Соединенные штаты взяли на себя функции японского правительства еще до своего непосредственного прибытия. 22 августа Министерство финансов Японии получило совершенно секретную телеграмму от информационного агентства «Домэй», сообщавшую об отправке из Сан-Франциско в Манилу партии военных облигаций на сумму 100 миллионов долларов. Японское правительство осознало, что им грозит потеря контроля над экономикой страны и на следующий же день направило Макартуру на Филиппины срочную телеграмму:

«Японское правительство желает получить информацию о валюте, которая будет использоваться в Японии оккупационными силами. Мы надеемся, что для этой цели будут использоваться банкноты Банка Японии, и готовы доставить валюту в Ацуги, Йокогаму и Йокоосуку» [6. Р. 181, plate 345].

Соединенные Штаты, по всей видимости, не отреагировали на эту просьбу, а время прибытия оккупационных войск приближалось. Тогда Министр финансов Цусима Дзюити предложил Банку Японии печатать собственную валюту для раздачи прибывающим союзникам. Кабинет министров согласился, и валюта была напечатана. 28 августа, в день, когда планировалась высадка первых американских войск, правительство снова попыталось убедить американцев отказаться от планов выпуска американских военных банкнот.

Они телеграфировали Макартуру:

Ссылаясь на нашу телеграмму № 28 от 23 августа, в которой мы выразили надежду, что оккупационные войска будут использовать банкноты Банка Японии в Японии, мы хотели бы представить на ваше особое рассмотрение возможность поставлять японскую валюту в количестве, необходимом вашей штаб-квартире для покрытия расходов оккупационных войск, как было сообщено вам в нашей телеграмме, о которой мы вам сообщили.

Если планируемые к использованию в Японии в период оккупации американские военные облигации станут валютой на главном острове Японии, это нарушит валютно-финансовую ситуацию в стране до такой степени, что вызовет неконтролируемый хаос в японской валютно-финансовой системе [6. Р. 181, plate 345].

Так и не получив ответа от американцев, правительство направило генерал-лейтенанта Арисуэ Сэйдзо с десятью миллионами иен наличными встретить передовую группу, которая прибывала на аэродром Ацуги. Однако 2 сентября, после церемонии капитуляции на линкоре Миссури, когда в страну въехало много американцев, Сузуки Тадакацу, глава недавно созданного Центрального офиса связи, узнал, что Ставка Генерального штаба планирует на следующий день, то есть 3 сентября издать ряд сенсационных директив. Среди прочего,

Ставка предусматривала создание прямого военного управления и введение в оборот американских военных облигаций, которые приравнялись к валюте, напечатанной Банком Японии. Позже, 4 сентября японское правительство немедленно организовало встречу Макартура с министром иностранных дел Сигэмицу Мамору, на которой последнему удалось убедить Макартура отменить приказ о ведении военных облигаций и позволить Японии сохранить контроль над своей валютой системой.

С одной стороны, это действие стало победой японской дипломатии, но, с другой стороны, десятки тысяч американских военнослужащих мгновенно оказались без гроша в кармане на улицах Японии. Многие пытались решить свою проблему, продавая свои вещи, пока не накопили достаточно денег, чтобы посетить близлежащий бордель. Другие же, получив отказ японцев на свои предложения, выходили из себя и просто использовали силу (2).

В чем же кроется причина высокого уровня преступлений, связанных с изнасилованием? Одна из причин, это именно отсутствие японской валюты вынуждала американцев часто совершать преступления. В одном случае, недовольство американцев привело к ужасающим последствиям для группы японских женщин. Несколько американских солдат ворвались в бордель, с целью его ограбления, и тут один из них отошел от группы, поднялся по лестнице, загнал в угол одну из проституток и, размахивая пистолетом, изнасиловал ее. Закончив, он оставил ей 100 иен военными облигациями, которые не имели никакой ценности. Другие просто грабили прохожих, отнимая у них личные вещи, включая часы, наличные и авторучки. К концу сентября было зарегистрировано 439 случаев кражи часов. Одна особенно отважная группа, по-видимому, решила не приставать к простым японцам и направилась прямо туда, где были деньги – в отделение банка Sumitomo, расположенное в Иокогаме.

Американские военные также посещали бордели, бары и рестораны, не платя, и часто воровали любой алкоголь, который попадался им под руку. Алкоголь был настолько востребован, что некоторые американцы в погоне за ним часто попадали в неприятные ситуации. Один военный ограбил лавку, торговавшую мисо (продукт традиционной японской кухни, чаще всего в виде густой пасты. Она является основой для популярного мисо-супа, а также используется в маринадах, соусах, заправках для салатов), схватил бутылку с темной жидкостью, предполагая, что это алкоголь и ушел. Позже, по-видимому, осознав свою ошибку, он бросил бутылку, в которой был соевый соус в сторону, вернулся и ограбил повторно лавку, забрав флаг. Другой потребовал алкоголь у рабочих на фабрике, на что ему ответили, что у них его нет. Но тут американский солдат заметил банку с жидкостью в стороне, и решил, что это пиво. Торжествуя победу, схватил и вылил содержимое себе в рот, не зная, что рабочие завода использовали эту пивную банку для хранения отработанного горючего.

Помимо японских отчетов для внутреннего служебного использования о преступности среди военнослужащих, существуют также специальные отчеты, которые японское правительство направляло американской стороне. На первых

этапах оккупации Центральное управление связи Японии (ЦУС) направляло в Ставку оккупационных сил сообщения о преступлениях, совершенных американскими военнослужащими. Структура ЦУС была создана в качестве связующего звена между центральным правительством Японии и штабом Макартура. ЦУС принимало отчеты Министерства внутренних дел, переводило некоторые из представленных отчетов на английский язык, и передавало информацию американцам. Как и в случае с японской стороной, для американцев эти отчеты также были важны и имели широкое распространение. Копии направлялись командирам соответствующих войск, иногда проходя через несколько уровней командующих по каналу департамента G-3 ставки главнокомандующего, для принятия мер и для информирования главнокомандующего, начальника штаба, G-2 и еще одного получателя (3).

Копии многих из этих отчетов хранятся в Национальном архиве в Мериленде, однако часть из этих отчетов были изъяты из архивов, видимо, с целью предотвратить утечку и обнародование секретной информации. Кроме того, большая часть переписки между начальником штаба и командованием Макартура, после возвращения японской стороне, была собрана и отредактирована Такемаэ Эйджи, и издана в виде справочного издания объемом в несколько томов, доступных в некоторых японских библиотеках [З. Р. 0147-0148, 0173]. Однако, информация о количестве жертв значительно разнится. Многочисленные авторы утверждают, что между первой крупномасштабной высадкой 30 августа и концом сентября 1945 года было зафиксировано более 3500 случаев изнасилования, хотя, согласно другим данным число составляло 14, что составляет менее половины процента от общего числа. Другая цифра свидетельствует о том, что только в префектуре Канагава за 12 дней с 30 августа по 10 сентября 1945 года было зарегистрировано 1336 случаев изнасилования, но другие данные по префектуре Канагава за рассматриваемый 12-дневный период говорят, что число изнасилований, о которых японской полиции было сообщено, составило семь, что составляет чуть более половины процента от часто заявляемого (5).

Важно отметить, что вероятно одна из причин снижения уровня преступлений американских военнослужащих связано с тем, что Главное командование ввело цензуру прессы, и после 18 сентября 1945 года СМИ перестали освещать американскую преступность. Кроме того, во время оккупации по приказу Верховного главнокомандующего вооруженными силами (SCAP – Supreme Command of the Allied Powers) японские органы внутреннего надзора были намеренно распущены, в том числе Кэмпэйтэй (военная полиция Императорской армии Японии, просуществовавшая в период с 1881 по 1945 годы) прекратил свое существование в ноябре 1945 года, а вскоре за ним последовало и Токко (Особая высшая полиция, печально известной Политической полиции Японской империи (1911-1945), именуемой «полицией мысли»). Министерство внутренних дел, головная организация Токко, само было расформировано в 1947 году. Задача воссоздания полной картины совершенных преступлений американскими военнослужащими осложняется тем, что американская сторона пыталась максимально

снизить данные относительно количества преступлений и запутать ситуацию. С другой стороны, изучение и анализ совершенных преступлений затруднены отсутствием точных данных по причине того, что японская полиция претерпела серьезные реорганизации в послевоенный период: как во время оккупации, так и после нее.

Вместе с тем, американская сторона, желая минимизировать свои злодеяния, в качестве аргументированного оправдания стала утверждать, что в данном случае нельзя говорить о массовых изнасилованиях, хотя сразу же оговариваются, что противоправные действия против японских женщин все же имели место. И весомым аргументом выдвигается опыт армий других стран в совершении аналогичных преступлений, что должно было служить оправданием их действий. Оккупационную армию обвиняли не только в совершении массовых изнасилований, в жестоком обращении и сексуальной эксплуатации японских женщин, но и в моральной распущенности американских военных в вопросе проституции. Другими словами, это проблема имела и финансовую подоплеку, которая особенно возмущала японское общество. Дело в том, что американские военнослужащие пользовались услугами японских проституток на протяжении всего периода оккупации, так как именно они в тяжелые послевоенные годы имели высокий доход, что превышало возможности среднестатистического японца, и поэтому могли позволить себе многое, и часто платили за услуги проституткам больше, чем японские мужчины. Для многих японцев образ проституток, домогающихся американцев на военных базах, стал символом послевоенного бедственного положения Японии и разрушении основ морали и традиций.

Кроме того, американская политика в отношении проституции была не совсем последовательной, так как определялась рядом факторов. С одной стороны, важно было учесть физиологические потребности американских военнослужащих, при этом не забывая и о масштабах венерических заболеваний, которыми заражались посетители японских публичных домов. С другой стороны, оккупационные власти вместе с японским правительством должны были провести демократические реформы в жизни японского общества, включая решение женского вопроса и их конституционных прав. Часто эти соображения Ставки оккупационных сил встречали сопротивление со стороны противников, более того, менялась и политическая ситуация. В результате, американская политика в отношении проституции часто казалась и, действительно, была непоследовательной. Самая большая проблема заключалась в существующих различиях между видами проституции, что было кардинально важным для решения этого вопроса оккупационными силами.

Речь идет о двух видах института проституции, существующей в Японии:

- о системе лицензированной проституции, имеющий длинную историю в императорской Японии;
- и проституции, как общим социальным явлением.

Первый тип, оккупационные власти полностью запретили вскоре после того, как ознакомились с существующими порядками в стране. Против

второй разновидности, американцы не спешили предпринимать резких мер, так как японское общество было еще не готово к полной ее ликвидации и старались сохранить ее легальность. Очевидная противоречивость этих решений стала причиной обвинений со стороны многих японцев в лицемерии и цинизме в адрес Ставки, обвиняя Макартура в его попытке создания новой Японии по образу и подобию Америки, вопреки существующим японским традициям, не считаясь с мнением самих японцев. Большая часть японской элиты, да и многие рядовые японцы, не были согласны с решениями оккупационных властей.

Итак, в результате решения о принятии Закона о закрытии публичных домов, проститутки были выброшены из этих заведений, расположенных в специально огороженных кварталах, на улицы крупных городов.

Дело в том, что отмена лицензированной проституции в Японии, которая была четко организована и регулируема, имела долгую историю. Она была кодифицирована вскоре после основания сегуната Токугава в 1603 году. Сегун Токугава Хидэтака в 1617 году решил взять под контроль все публичные дома и издал указ о запрете проституции вне специально выделенных кварталов, таким образом в крупных городах Токио, Киото и Осака стали появляться закрытые территории для «чайных домов». Вплоть до сегодняшнего дня эта практика продолжает свое существование.

В отличие от ситуации на Западе, проституция в Японии была сравнительно менее стигматизирована, она часто воспевалась в искусстве и литературе. Многие японцы считали, что проституция, в той форме, как она традиционно практиковалась, является частью японской культуры и истории, следовательно она должна быть сохранена. Чиновники оккупационной администрации проводили опрос японцев, с целью выяснения их отношения к проституции, и были удивлены полученным результатам – в основной массе народ относился нейтрально или благосклонно, и они написали: «Хотя японцы и придерживаются моногамии, то есть вступают в брак только с одной женой, муж, ищущий сексуальных развлечений в доме гейш или публичном доме, не подвергается осуждению. Эта практика широко распространена среди японцев, и посетители этих заведений не теряют при этом своего социального статуса» [5].

Столь терпимое отношение к проституткам, хоть и была связана с определенной социальной стигмой, тем не менее, в основном считалась профессией для женщин низших слоев общества, многие, если не большинство, были выходцами из бедных сельских районов. Следует также заметить, что прежняя вовлеченность женщины в проституцию, как правило, не мешала ей найти партнера для брака в будущем. Известно, что женщины, уехавшие работать проститутками, смогли вернуться в свои деревни после того, как решили оставить свою прежнюю профессию. Одна из причин, по которой они смогли вернуться в свои общины, заключалась в том, что большинство из них были выходцами из низших слоев общества, где традиционно плодовитость ценилась выше целомудрия, и предполагалось, что женщина должна иметь сексуальный опыт, прежде чем обзаведется семьей.

Другая причина кроется в фундаментальных ценностях японского общества. Самопожертвование и сыновняя почтительность перед родителями считались одними из высших добродетелей в японском обществе и основной конструкцией семьи. Существовало четкое представление о проститутках, которое избрало их как воплощение людей, которые жертвовали собой ради семьи и беспрекословно подчинялись воле отца. Считалось, что они выполняли полезную функцию в обществе, предоставляя выход мужским страстям, которые в противном случае могли бы найти выражение в вспышках насилия над женой внутри семьи. Более того, считалось, что женщины находились там не из-за своих извращенных страстей, а потому, что они своим трудом исправно помогали своим семьям. В 1896 году Ито Хиробуми, первый премьер-министр Японии, объяснил ситуацию английскому репортеру, отметив, что проститутки в лицензированных публичных домах часто работали «из благородного желания помочь своим бедным родителям или родственникам; и когда она считает, что выполнила свой долг перед домом, она имела возможность возвращения в общество».

Со временем, отношение к проституции несколько изменилась. Согласно правилам, пока лицензированные проститутки имели долговые обязательства, они, по сути, были пленницами владельцев борделей, не имея иного выбора, кроме как продолжать работать в секс-индустрии. Историк Есими Есиаки, заявил, что «система лицензированной проституции на самом деле была системой сексуального рабства, которая сводилась к торговле людьми, продаже секса и ограничению свободы» [4. Р. 9-10]. Хотя следует заметить, что плюсом системы лицензированной проституции являлся контроль за венерическими заболеваниями.

Именно проблема общения американских солдат с японскими проститутками создали серьезные вопросы сотрудникам Отдела общественного здравоохранения и социального обеспечения (PHW) Главного штаба в деле охраны здоровья военнослужащих, которые подвергались массовым заражениям венерическими заболеваниями. Американцы утверждали, что, когда они прибыли в Японию, они практически ничего не знали о системе лицензированной проституции ни в средневековой Японии, ни после окончания Второй мировой войны. Для изучения проблемы и получения информации о проституции и венерических заболеваниях в Японии, американцы направляли своих медицинских работников в воинские части, расположенные в различных районах Японии, где процветала проституция, с целью сбора информации.

Они также пользовались данными японских врачей, занимавшихся общественным здравоохранением или венерическими заболеваниями в целом, и полицейских, занимавшихся проституцией. Им нужна была вся доступная информация для того, чтобы быстрее покончить с венерическими заболеваниями, захлестнувшими американскую армию. 21 января 1946 года Ставка Генерального штаба издала директиву SCAPIN 642 (SCAPIN – Supreme Commander for the Allied Powers Instruction, Japan – это серия директив, издаваемых Верховным Главнокомандующим союзными державами (SCAP) в послевоенной

оккупационной Японии (1945-1952)), которая предписывала японскому правительству распорядиться об отмене лицензированной проституции, заявив, что ее сохранение «противоречит идеалам демократии и несовместима с развитием индивидуальной свободы в стране». Затем предписывалось отменить все «законы, постановления и другие нормативные акты, которые прямо или косвенно разрешают или допускают существование лицензированной проституции в Японии». Директива также предписывала правительству «аннулировать все контракты и соглашения», которые фактически обязывали женщин заниматься проституцией. По сути, оккупационные власти пытались прикрыть необходимость борьбы с венерическими заболеваниями более высокими идеалами, продиктованными демократическими принципами, хотя на деле они не были против самой идеи проституции.

Итак, концентрация сил в направлении контроля над венерическими заболеваниями со стороны Отдела общественного здравоохранения и социального обеспечения РНВ оккупационных сил, ясно показала, что наиболее эффективной стратегией было бы восстановление системы лицензированной проституции в ее довоенном виде. Так как именно она давала возможность контроля за распространением венерических заболеваний. Отмена лицензированной проституции не только затруднила контроль над венерическими заболеваниями, но фактически привела к полному параличу и невозможности осуществления функции охраны здоровья американских военнослужащих. Отмена проституции не оградила американскую прессу от многочисленных публикаций на эту тему и не способствовала укреплению доверия японского населения в целом к оккупационным властям.

В августе 1946 года Ставка Генерального штаба подготовила меморандум для местных военных командиров, разъясняющий значение директивы SCAPIN 642. Суть принятого меморандума не оставляла сомнений относительно намерений оккупационных властей, для которой проституция как таковая не имела для нее значения, если решение заняться этим видом деятельности не принималось под принуждением. Любые финансовые обязательства, возникшие в результате заключения контракта, считались принуждением, и все подобные договора объявлялись недействительными. Ключевым моментом в решении заняться проституцией, было свободное волеизъявление и независимость женщин, решившись посвятить себя проституции. В директиве, в частности, говорится:

1. Основной целью вышеуказанной директивы является запрет и предотвращение рабства женщин, занимающихся проституцией. Она распространяется не только на женщин, признанных проститутками, но и на других женщин, таких как официантки, гейши или хостесы в танцевальных залах, которых могут принуждать к занятию проституцией против их воли.

2. Настоящая директива не запрещает вовлечение лиц, по их собственной воле и согласию, в занятие проституцией в качестве источника средств к существованию.

3. Ни одно лицо не может быть принуждено к занятию проституцией против его воли и свободно данного согласия. Данное согласие может быть отозвано в любое время и по любой причине, и никакие санкции за отзыв согласия к лицу не применяются.

4. Все существующие в настоящее время договора, соглашения и долги, возникшие в результате этого и связывающие любую женщину, занимающуюся проституцией, являются недействительными. Все договора, соглашения и долги, которые могут быть заключены в дальнейшем, являются недействительными.

5. Все обязательства по уплате денег или оказанию услуг считаются погашенными и полностью исполненными. В соответствии с настоящим положением долг считается полностью погашенным, независимо от того, является ли он первоначальным или любым долгом, возникшим после его возникновения, например, за одежду, еду или жилье. Главное условие заключается в том, что ни одна женщина, занимающаяся проституцией, не должна быть обязана выплачивать какой-либо долг, независимо от источника его возникновения [1].

Важно отметить, что американцы выступали не против проституции вообще, а видели свой долг и считали, что должны «жестко бороться только с принудительной проституцией». Акцент делался на свободе выбора самой женщины и оставался основополагающей позицией Штаба главнокомандующего на протяжении всех последующих дебатов о проституции. Эта преданность либеральным принципам соответствовала общим целям оккупации, и большинство сотрудников оккупационного штаба считали аксиомой, что принудительная проституция является неприемлемой для личной свободы и элементарной человеческой порядочности.

Для тех, кто считал, что роль идеального правительства начинается с гарантии личной свободы граждан, это было очевидно. Однако для многих японцев первостепенной обязанностью правительства было служить стражем общественного порядка. Для них указ Генерального штаба был ошибкой, и он нанес ощутимый вред японскому обществу. Сотрудник правительственного отдела штаба оккупационных войск, а затем заместитель начальника Джастин Уильямс вспоминал, что, когда он беседовал с адвокатом, рекомендованным ему в качестве эксперта по дискриминации меньшинств и женщин в Японии, тот внезапно, казалось бы, ни с того ни с сего, начал защищать японскую систему лицензированной проституции. Затем он пожаловался, что высокий спрос американских солдат на женщин губит многих хороших девушек страны, рассказав историю о том, как девушка, проработавшая у них два года, попросила об увольнении, чтобы получить возможность работать в ночном клубе за гораздо более высокую плату [7. Р. 203].

Многие из проституток, привыкли к своей жизни и работе, и не имели других источников дохода. В результате проституция стала гораздо более заметной, переместившись из специально отведенных борделей в специальных кварталах на улицы города – туда, где были потенциальные клиенты. Один из чиновников оккупационной администрации писал, что отмена лицензированной

проституции «выпустила на улицы орду «уличных проституток» и «ангелов ночи», что было в новинку для Японии. Уличные проститутки, или панпан, как их стали называть, выставили напоказ коммерческую сексуальность, что было оскорбительным для большинства японцев, и неприемлемым для традиционной японской культуры. Опрос японской общественности, проведенный в 1949 году, показал, что 77% респондентов в районе Канто (в Токио и его окрестностях) поддерживали законодательство, запрещающее уличную проституцию, но 70% выступали против законодательства, направленного на закрытие лицензированных публичных домов. Одна из женщин, участвовавших в исследовании, утверждала: «Организованные проститутки не так часто выходят на улицу, они не бегают без повода по улицам. Они не так вредны, как девушки пан-пан». В резюме мнений, выраженных в опросе, было отмечено: «Девушка пан-пан, с ее наглым раскрашенным лицом и манерами, вьющимися волосами, ее безвкусной западной одеждой, выглядит вызывающе, бросается в глаза и совершенно не вяжется с принятыми в японском обществе правилами, и своим оскорбительным внешним видом вносит элемент хаоса и беспорядка, и развращают молодежь» (1). Действительно, контраст между обычными японками, одетыми в максимально неприметные, пастельные тона кимоно или европейской одежды, резко контрастировали с вызывающим видом девушек из секс-индустрии. Согласно культурным традициям Японии, ни один член общества не должен был слишком выделяться на фоне остальных, выражаясь образно, такое поведение сравнивалось с «гвоздем», и если он торчал над поверхностью, его непременно забивали, чтобы сделать поверхность гладкой и уравнять с остальными.

В сознании большинства японцев главным последствием приказа об отмене лицензированной проституции стало создание хаоса там, где когда-то царил порядок. Они явно предпочли вернуть женщин с улиц в специально отведенные для проституции заведения. Лишь около трех процентов респондентов опроса 1949 года выразили обеспокоенность по поводу прав женщин, работающих в публичных домах. Японская полиция, получив приказе об отмене лицензированной проституции, пыталась обойти его или, по крайней мере, смягчить его последствия. В докладе Министерства внутренних дел Японии генеральному суперинтенданту Столичного полицейского управления от мая 1946 года, в котором обсуждались меры, необходимые для обеспечения соблюдения приказа об отмене, можно выделить два абзаца: «Будут предприняты усилия, чтобы убедить владельцев публичных домов отказаться от таких контрактов». И еще раз, «Будут предприняты усилия, чтобы убедить и склонить владельцев заведений к добровольному отказу от заключения таких контрактов, которые могут ограничить свободу девушек-работниц против их воли» [2. Р. 9].

Практически параллельно с изданием указа, Генеральный штаб направил японскому правительству меморандум с предписанием о выпуске Императорского указа, «который запрещает недобровольную проституцию, продажу людей и лицензированную проституцию». По сути, Оккупационные власти, которые ратовали за проведение кардинальных демократических

реформ, стремились узаконить проституцию в качестве одной из демократических рабочих специальностей на японских островах. Мак Артур даже потребовал от Императора издание документа в поддержку его распоряжений. Императорский указ № 9 от 1947 года, был более сдержанным и более конкретным, предусматривающей наказание в виде тюремного заключения сроком до трех лет или штрафа в размере до 10 000 иен за принуждение женщины к проституции или одного года и штрафа в размере до 5 000 иен за заключение договора, обязывающего ее к этому (4). Несмотря, на эти попытки обеспечить соблюдение запрета на сексуальное рабство по договору и четкого заявления, что любые долги, возникшие по контрактам, связанным с проституцией, являются недействительными, на практике женщин и девочек продолжали продавать в фактическое рабство на протяжении всей оккупации и в послевоенное время.

Вопрос с изнасилованиями и проституцией в оккупированной Японии имел еще один аспект, к которому японская сторона относилась достаточно серьезно. Проституция в Японии стала серьезной проблемой для американцев отчасти из-за действий и подхода японского правительства. В глазах японских чиновников «одним из признаков отношений, основанных на господстве, было то, что мужчины правящей или завоевавшей страны женились на женщинах управляемой или завоеванной страны». Однако изначально японские чиновники опасались не столько брака (хотя со временем этот вопрос также стал серьезной проблемой), сколько изнасилований. Дело в том, что в японском обществе бытовало мнение, что изнасилования являются естественной частью войны, а женщины с завоеванных территорий – законной добычей победителей. Поэтому, одним из главных приоритетов в логике действий японского правительства было не допустить изнасилования японских женщин американскими завоевателями, и они приложили все усилия, чтобы предотвратить ожидаемые последствия оккупации. Чиновники японского правительства, считали, что, если секс будет легкодоступен, американцы будут реже насиловать японских девушек и женщин, поэтому решили открыть публичные дома, чтобы удовлетворить распутство завоевателей. Достоверно известно, что 18 августа 1945 года, всего через три дня после оглашения рескрипта о прекращении войны, в котором император Хирохито принял требования союзников, зафиксированные в Потсдамской декларации, и дал фактическое согласие на капитуляцию практически без каких-либо условий, Министерство внутренних дел Японии разослало приказ полицейским управлениям префектур по всей Японии о создании того, что получило название «станции утешения», или публичными домами для союзников. Хотя Оккупационный штаб внешне отказывается признавать этот тип заведений, тем не менее, японцы считали, что они были абсолютно необходимы для их защиты.

С другой стороны, оккупационные власти, которые уже имели опыт с оккупацией Филиппин и с проблемами венерических заболеваний, начали изучать проституцию в Японии, и результаты их сильно встревожили. До войны японские

власти из всех сил пытались удержать проституцию под строгим государственным контролем и регулированием. Поскольку проституция считалась социальным злом, но исходили из того, что она была необходимым злом, которое власти были полны решимости сохранить и строго регулировать под надзором полиции. Однако даже в мирное время и в условиях всеобщего порядка им становилось все труднее удерживать контроль над процессом. Во время войны, и особенно в период хаоса, последовавший за началом американских бомбардировок, контроль практически полностью был утерян. Военная промышленность была разрушена воздушными налетами, большое количество молодых женщин, многие из которых не имели семей, остались без работы и были вынуждены заниматься проституцией, чтобы заработать на жизнь. Естественно, эта ситуация только усугубилась после капитуляции и внезапного появления сотен тысяч одиноких мужчин с деньгами.

Продолжение читайте в следующем номере

ПРИМЕЧАНИЯ:

- (1) AG 726.1 (Aug 46)PH; MEMORANDUM; SUBJECT: Information of General Application Pertaining to Memorandum Number (SCAPIN-642) AG 726.7 (21 Jan 46)PH, General Headquarters, Supreme Commander for the Allied Powers, subject: 'Abolition of Licensed Prostitution in Japan',» August, 1946 in NARA RG 331 GHQ/SCAP, Box 9370, Folder 4: «726.1 Abolition of Licensed Prostitution.
- (2) «From: Japanese General Headquarters, Tokyo, Japan; To: Commander in Chief, Army Forces, Pacific Command, Manila Philippines; Nr: 29,» August 23, 1945 in NARA RG 218 HM 1994 Box 08 Chairman's File (Admiral Leahy, 1942-1948), Folder 43: Japan 1946 Communications with MacArthur.
- (3) From Commander in Chief, Armed Forces, Pacific, Command, Manila, Philippines; DTG: 29/0731Z,» August 29, 1945 in NARA RG 218 HM 1994, Box 08 Chairman's File (Admiral Leahy, 1942-1948), Folder 43: «Japan 1946 Communications with MacArthur.»
- (4) Public Opinion and Sociological Research Division, «The Japanese People Look at Prostitution,» (Tokyo: General Headquarters, Supreme Commander for the Allied Powers, Civil Information and Education Section Survey Series, June 30, 1949), p. 1 in NARA RG 331 GHQ/SCAP, Box 1416, Folder 17: «Punishment of Prostitution».
- (5) 104 See for example, «Incoming Message: Japanese Government Radio NR C.L.O. No. 41 DTD 9 September, 1945,» in NARA RG 331 GHQ/SCAP, Box 408, Folder 14 (1-2).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Joseph V. Zaccone, Legal Consultant, «MEMORANDUM FOR RECORD; SUBJECT: Proposed Directive to Prohibit Prostitution,» July 2, 1947 in RG 331 GHQ/SCAP, Box 9370, Folder 4: «726.1 Abolition of Licensed Prostitution.»

2. Justin Williams Sr. Japan's Political Revolution under MacArthur: A Participant's Account. Athens: University of Georgia Press, 1979.
3. Shinchūgun no Fuhō Kōi: Beihei no Fuhō Kōi, JNA, Hensei, 3-A 15, 11-1.
4. «Shinchūgun no Fuhō Kōi,» reprinted in Seibōryoku Mondai Shiryō Shūsei. Vol. 1. Tokyo: Fujiya Shuppan, 2004.
5. Takemae Eiji, GHQ e no Nippon Seifu Taiō Bunsho Sōshūsei, (Tokyo: Emu Ti Shuppan, 1994).
6. Takemae, ed. GHQ e no Nihon Seifu Taiō Bunsho Sōshūsei. Vol. 1.
7. Yoshimi Yoshiaki. Comfort Women.

Л.Г. АРЕШИДЗЕ

Doctor of Historical Sciences, Professor

Department of Japanese History and Culture, Institute of Asian
and African Studies at Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia

MYTH OR REALITY: WERE JAPANESE WOMEN RAPED BY AMERICAN SOLDIERS DURING THE UNITED STATES OCCUPATION OF JAPAN (1945-1952). PART II

There are certain topics in international relations that are often kept under wraps, which, in turn, gives rise to many misconceptions and myths. These uncomfortable topics include, for example, «The Problem of Rape of Women in American-Occupied Japan» and «The Fates of Children Born from Relations Between Japanese Women and American Soldiers.» Contrary to the widespread belief in America about the good behavior of American soldiers during the occupation of Japan, American soldiers actually used tens of thousands of Japanese women as prostitutes, but this topic is carefully downplayed. It turns out that on the one hand, the United States denies the existence of large-scale rape, but on the other, it immediately cites the thesis that the behavior of American soldiers during the occupation was no different from that of other occupying armies in World War II. The frequency of rapes is compared with the behavior of the Red Army in Europe, the Japanese army in Asia, the US Army in Germany, and the British Commonwealth occupation forces in Western Japan. The situation seems somewhat odd: if American soldiers didn't commit crimes against Japanese women, then why should they cite the behavior of other armies? And if such crimes were committed, then they should be held accountable, not excused by citing the fact that others acted similarly.

Key words: occupation of Japan (1945-1952), American soldiers, rape, World War II, Nanking Massacre, Tokyo Trials, historical memory, denial of crimes, media censorship, women's rights, war crimes.